

Синтаксические и семантические свойства клитики -і в шугнанском языке

Чистякова Дарья
Школа Лингвистики НИУ ВШЭ

Доклад посвящен описанию синтаксических и семантических свойств энклитического показателя 3-го лица единственного числа -і при переходных глаголах в прошедшем времени в шугнанском языке.

В прошедших временах в шугнанском языке лицо и число глагола выражаются аналитически при помощи подвижных показателей, энклитически примыкающих к разным словам в предложении. В существующих описаниях языка данные энклитики характеризуются как вакернагелевские, утверждается, что они примыкают к первому члену предложения. Однако в ходе исследования стало ясно, что расположение показателя 3-го лица единственного числа в предложении отличается от других лично-числовых показателей, поэтому требуется отдельное описание факторов, влияющих на передвижение энклитики внутри предложения.

Данные, послужившие материалом для исследования, можно разделить на две части. Первая часть – это тексты, записанные в 1915-17 гг [Зарубин 1960] и в 1948-49 гг [цит. по Пахалина, 1969], тексты из сборника [Фолклори Помир 2005], всего 311 примеров. Вторая часть – это примеры, собранные методом элицитации и взятые из текстов, записанных во время экспедиции на Памир в 2018-19 годах в г. Хороге и в ближайших кишлаках (210 примеров). Часть данных (запись одного текста) была отдельно собрана в Душанбе в феврале 2020 года (19 примеров). Таким образом, можно говорить о двух синхронных “срезах” языка, между которыми прошло почти сто лет.

Шугнанский язык входит в шугнанскую (или шугнано-рушанскую) группу памирских языков, которые относятся к восточноиранской группе иранских языков. Внутри шугнанского языка выделяют два диалекта: собственно шугнанский диалект, на котором говорят в городе Хороге и ближайших кишлаках, и баджувский диалект, распространенный в Баджуве и Пастеве. Объектом нашего исследования был собственно шугнанский диалект.

Во всех рассмотренных грамматиках позиция энклитических показателей лица и числа описывается как вакернагелевская: энклитики присоединяются к первой полной составляющей, не разрывая именные группы, вне зависимости от того, какой частью речи, она выражена. Только в одной работе Д. Карамшоева [Карамшоев 1963] описываются особенности показателя 3-го лица единственного числа в баджувском диалекте, в котором энклитика не может присоединиться к первой составляющей, если она выражена подлежащим.

И в новых примерах, и в текстах первой половины 20 века наблюдаются примеры, нарушающие правило первой составляющей, которое описывается в грамматиках. Из 229 собранных примеров в 47 случаях (20,5%) энклитика пропущена, что допустимо в шугнанском языке, а в 10 случаях (6%) располагается не на первой составляющей. В примерах, взятых из текстов И.И. Зарубина и В.С. Соколовой процент отличается: в 109 из 311 примеров (35%) энклитика располагается не на первой составляющей. Мы проанализировали примеры, в которых употребление энклитики не соответствует вышеописанным правилам и выяснили, что в шугнанском языке есть как минимум два барьера, которые влияют на расположение энклитики. Вследствие возникновения барьеров условное начало клаузы смещается вправо, и энклитика присоединяется к первой составляющей после барьера.

Барьер I носит синтаксический характер, это грамматикализованный барьер, запрещающий энклитике *-i* присоединяться к первой составляющей, если она выражается подлежащим. Во всех текстах, записанных в 20 веке, этот барьер строго соблюдается. Однако в современном языке основным правилом становится закон Ваккернагеля, не модифицированный дополнительными ограничениями. В большинстве элицитированных примеров энклитика стремится присоединиться к первой составляющей, чем бы она ни была выражена. В примерах ниже видно, как отличается позиция энклитики *-i* в зависимости от года записи:

(1) *ē virōd tu ǰitur mu šīg=i xūd*

ē *virōd* *tu* *ǰitur* *mu* *šīg=I* *xūd*
 эй брат ты.OBL верблюд я.OBL теленок=**3SG** съесть.PST

‘Эй, брат, твой верблюд съел моего теленка’. [Пахалина, 1969: 50]

(2) *ē virōd tu ǰitur=i mu šīg buc xūd*

ē *virōd* *tu* *ǰitur=i* *mu* *šīg buc* *xūd*
 эй брат ты.OBL верблюд=**3SG** я.OBL теленок съесть.PST

‘Эй, брат, твой верблюд съел моего теленка’. (Элицитация 2020)

Барьер II является коммуникативным, он сдвигает условное начало клаузы вправо, помещая его после вводных слов, наречий и обстоятельств времени, относящихся по смыслу ко всей клаузе. Это факультативный барьер, он свободно нарушался раньше и нарушается сейчас (встречается в 2,2% случаев в старых текстах и ровно так же в 2,2% в новых). Этот барьер затрагивает также позицию как минимум одной другой энклитики (*mis* ‘тоже’) и как минимум одного другого энклитического показателя (3-го лица множественного числа *-ēn*), смещая их вправо от базовой ваккернагелевской позиции.

В шугнанском языке в одном предложении может быть два барьера одновременно (в любом порядке), в результате чего энклитика будет занимать позицию после третьей составляющей, то есть оба барьера являются кумулятивными и не отменяют действия друг друга.

(3) *daǰ wi wazir di=yi ǰud xu*

daǰ *wi* *wazir* *di=yi* *ǰud* *xu*
 тогда он.OBL визирь это=**3SG** слышать.PST ADD

‘Тогда его везир услышал это’. [Зарубин 1960: 79]

Таблица №1. Распределение энклитики *=i* в рассмотренных примерах

Источник	1-я составл.	Появление Барьера I	появление Барьера II	Появление двух Барьеров	Барьер III?	итого
1915-17 годы записи	172 (66,4%)	64 (24,7%)	7 (2,7%)	14 (5,4%)	2 (0,7%)	259
1940-е годы записи	30 (58,8%)	16 (31,3%)	-	5 (9,8%)	1 (1,9%)	51

Элицитация 2019-2020	216 (94,3%)	5 (2,2%)	5 (2,2%)	2 (0,9%)	1 (0,4%)	229

Литература

Зарубин 1960 – И. И. Зарубин. Шугнанские тексты и словарь. М.; Л.: Академии наук СССР, 1960.

Карамшоев 1963 – Д. Карамшоев. Баджувский диалект шугнанского языка. Душанбе: Академия наук Таджикской ССР, 1963.

Пахалина 1969 – Т. Н. Пахалина. Памирские языки. М.: Наука, 1969.